

УДК 821.161.1-32
ББК 84(4Рос=Рус)
П76

Оформление переплёта — *Андрей Фerez*

Прилепин, Захар.

П76 К нам едет Пересвет. Отчёт за нулевые / Захар Прилепин. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2018. — 411, [5] с. — (Захар Прилепин: публицистика(м))

ISBN 978-5-17-111063-5

Захар Прилепин — прозаик, публицист, музыкант, обладатель премий «Большая книга», «Национальный бестселлер», «СуперНацБест» и «Ясная Поляна». Автор романов «Обитель», «Санька», «Патологии», «Черная обезьяна», сборников рассказов «Грех», «Ботинки, полные горячей водкой» и «Восьмерка».

В книге «К нам едет Пересвет», продолжающей авторскую серию публицистики («Летучие бурлаки», «Не чужая смута»), собраны лучшие эссе Захара за «нулевые» годы.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(4Рос=Рус)

ISBN 978-5-17-111063-5

© Захар Прилепин
© ООО «Издательство АСТ»

ОТ АВТОРА

Кого-то начало нулевых обнадеживало; сразу скажу, что меня — нет. Не потому что я такой прозорливый, а просто не было никакой надежды, и всё.

Некоторые, надо сказать, и до сих пор надеются, причём на тех же людей, на которых надеялись десять лет назад. Удивительная вещь! Как будто мы собираемся жить триста лет и никуда не торопимся. И прощаем другим их катастрофическую неторопливость.

Просмотрев написанное мной за десять лет, я убедился, что здесь есть несколько более менее точных формулировок, пара внятных социальных диагнозов, дюжина недурных портретов... в общем, мне несколько не стыдно за всё то, что я в своё время наговорил, даже если я был не прав. Тем более, что на тот момент я был прав.

И за то, что я говорю сейчас, тоже не стыдно — а тут собрано, замечу, много новых эссе.

Есть вещи, которые никогда не напишешь в прозе — они выламываются из текста. Когда о прозе го-

Захар Прилепин

ворят «слишком публицистично» — это всегда минус. Что вовсе не отменяет ценность самой публицистики. Только дураки пишут исключительно в расчёте на вечность и не размениваются по мелочам. В этой книжке я, напротив, старательно размениваюсь по мелочам, и хорошо, что так, и правильно.

Осталось лишь добавить, что, каким бы суровым и сложным ни виделось мне будущее России, это, к сожалению, никак не отменяло моего весёлого и злого настроения. Своим настроением я хотел бы поделиться и с тобой, читатель.

Я ПРИШЁЛ ИЗ РОССИИ
(2001–2007)

КРОВЬ ПОЁТ, ЛИКУЕТ ПОЧВА

Почва и кровь — говорить об этом сегодня странно и почти неприлично.

Одни тянут почву зубами за стебли — под себя, под себя. Лежат на ней, разбросав загребущие руки и крепкие ноги. Находятся в состоянии войны, хотя по ним никто не стреляет. Хоть бы одна бомбежка, небольшая, мимолётная, — взглянуть, кто из них останется тянуть зубами за стебли, а кто исчезнет, как шумный морок.

Другие кривятся и говорят: какая почва, боже мой, это первобытно, это пошло, в конце концов... «Есть аргументы посерьёзнее? — спрашивают они. — Что там у вас, кроме почвы? Выворачивайте карманы!»

Нет, отвечаю. Аргументов нет. Ничего, кроме почвы, нет. В карманах ириски в табаке.

У почвы есть несколько несомненных достоинств.

В отличие от нас, она молчит. Можно вслушиваться в это молчание и ловить его смысл: оно мрачное? оно нежное? оно величавое?

И кровь молчалива, и движение её как движение времени. Времени тоже можно вскрыть вены, и тогда оно плещет через край — мимо тела, в горячую воду, в скомканное полотенце, в крики близких и любопытный ужас дальних.

Наша почва растворила в себе бесчисленное количество русских сердец. Я очень понимаю, отчего суровые мужики иногда гладят землю руками. Я увидел это мальчиком в фильме «Семнадцать мгновений весны» и потом, когда вырос, ещё несколько раз видел, но смотреть на это хуже, чем на женские слёзы.

Поведение и первых, о которых мы сказали выше, и вторых, о которых упоминали там же, продиктовано, по сути, одним: мучительным, таинственным, невыносимым страхом смерти.

Первые хотят заласкать, задобрить почву: прими меня нежно, прими меня лучше позже, совсем поздно, давай даже не будем разговаривать сейчас об этом.

Не хочу брать грех на душу, но иногда сдаётся, что первые хотят прикормить почву другими, пропустить их вперёд в этой очереди.

Вторые говорят: ненавижу тебя, почва, ты и меня хочешь растворить, мерзкая, чёрная земля.

Почва и кровь, по сути, одно и то же. Почва — застывшая, сконцентрированная, тотальная, неподъёмная кровь, которую нельзя уже выпустить на волю. Мы носим свою кровь в лёгком теле, готовя её к почве. Мы поливаем цветы и хлеба.

Вторые говорят: не хочу ваших цветов, они не красивые, хлеба ваши невкусны, прогорклы, чужды. «Не дам ей крови своей, пусть питается чем хочет».

«Почему русская почва такая, что из-за неё всё время надо убивать или умирать?» — спрашивают они.

Пустой вопрос, всякая почва такая. Главное — её разыскать, почувствовать, что ты врос, закрепился и тебя не сорвать никаким беспутным ветром. Тогда вдруг становится понятно, что убивать из-за неё, может, и не придётся, а уж зажить ради неё — вообще одно удовольствие.

Моя почва — счастливая, лёгкая как пух, несущая радость, танцующая в такт, распахивающаяся на встречу, когда хочется упасть.

Это было, наверное, двадцать пять лет назад...

Четверть столетия прошло, кто бы мог подумать.

В соседский дом на лето приехали дед с внуком. Деда так и называли все — Дачник. Тогда это ещё было редкостью — дачники. Сейчас всё наоборот: одни лишь дачники и остались.

У деда была фамилия Вайнерман, и до прихода новых времён я был уверен, что дед — немец. Внука его звали Валей. Валя Вайнерман.

Мы бродили по округе, как Пушкин с Дельвигом.

Я тогда уже знал эти две фамилии, и мне наши прогулки казались необыкновенно поэтичными. И разговоры наши были неспешны и мудры. Так мне думалось, хотя наверняка мы лишь бездарно воображали и хвастались.

Вообще мы казались тихими подростками, но потом неожиданно для самих себя украли плот у взрослых пацанов с дальнего порядка, и целое лето наполнилось смыслом, бесконечным купанием, ежевечерним сокрытием плота в кустах у мостков, на которых, боже мой, мать моя полоскала белье вплоть до самой осени, в ледяной уже воде.

Это ведь не в книгах у деревенщиков я прочел, это было в моей, ещё даже не прошлой, а позапрошлой какой-то жизни. Мать на мостках у чёрной воды с белым бельём.

И вот к Вале и деду должна была приехать бабушка. Дед оставался к данному событию совершенно равнодушным, а Валя ждал и волновался. Ситуация усугублялась тем, что бабушка приезжала в день своего рождения. Нужно было готовить ей подарок — а что он мог подарить, Валя Вайнерман, мальчик семи, что ли, лет или восьми?

Денег ему дед не давал, да и нечего тогда было кушать.

Утром, за несколько часов до приезда бабушки, Валя был у меня, всем видом источая почти невыносимую для детского сердца печаль. На улице начал накрапывать дождь, и это не прибавляло нашим поэтичным душам светлого настроения. Где-то вдали загромыхало, словно кто-то вместо привычных деревенских ковров решил вывесить и отбить огромный лист железа.

— Валя! — вдруг осенило меня. — Помнишь, мы с тобой видели викторию? У Шаровых?

— Чего? — спросил Валя, оживившись, но не веря ещё своему счастью.

— Ну, ягоды виктория.

На улице вдарило, да ещё со вспышкой, неожиданно и злобно. Мы слетели, громыхая косточками, с окна и сразу засмеялись своему искреннему, как детство, страху.

— И чего? — спросил Валя, отдышавшись.

Я смотрел за окно, где начался такой дождь, что не стало видно деревянного нужника, стоявшего во дворе в двадцати шагах от дома.

— А того! Представляешь, как обрадуется твоя бабушка, когда она приедет, а у неё на столе два ведра ягод?

— Два ведра?

— Два ведра. Пошли скорее.

— Давай после грозы, — предложил Валя. На улице гроыхало и поливало настолько бурно, что даже в доме приходилось разговаривать во весь ломкий голос.

— С ума сошёл, Валя? Надо сейчас, пока все попрятались.

Взяв в кладовке два огромных, почти по пояс нам ведра, наохлившись, мы вылетели на улицу, как сумасшедшие воробьи. Сразу же безудержно заскользили на грязи и в мгновение вымокли до последней синей жилки.

В грохоте и ливне мы, ежесекундно сбиваемые с ног, добрались до огорода, пролезли, узкорёбрые, меж досок и начали собирать ягоды.

Мир был полон грозой и дрожал, как передвижное шапито. Земля пузырилась вокруг нас, словно живая. Глаза заливало ледяным кипятком. Грядки смешались, будто их растёрли по огороду тяжёлой ладонью. Ягодные листья никли к земле. Ягоды влипли в грязь, и, чтобы извлечь их, приходилось черпать землю, обильно загоня её под ногти.

Трясущиеся и хохочущие от ужаса, в безумных вспышках громовых, мы бросали в свои железные, полные воды ведра сгустки грязи в форме сжатой детской ладони, несчастные обрывки листьев и редкие ягоды, раздавленные в наших руках.

Мы вытирали глаза и рты, и рты наши были черны, а бесстыжие глаза грязны, даже дождём не смывало эту грязь и черноту.

И когда меня спрашивают, что я знаю о почве, я отвечаю: знаю всё. Я черпал её, кормился ею, мазался ею, ползал по ней на животе. Знаю, что, когда вокруг гроза, на почве растут ягоды, и сердце толкает кровь так, словно взмахивает крыльями.

Захар Прилепин

Теперь моей почвы касаются лёгкими стопами мои дети — и кто же мне докажет, что говорить о почве дурно?

Вчера видел: сын двухлетний снял под яблоней сандалики, поднял яблоко с земли, ходит покусывает, иногда снова присядет и смотрит на розовые пяточки: не налипло ли чего от куры или от гуся — пахнет противно, зато смотрится на пяточке красиво, как акварельный мазок.

Встанет, идёт дальше, делает бессмысленные круги, кругом птицы и солнце.

Растворённые в почве сердца его деда и прадеда ликуют, поддерживая эти пяточки, — я уверен в этом ликовании, как в своём имени.

Кровь моя поет беззвучно. Сейчас тоже пойду сорву себе яблоко.

2007

БОЛЬШЕ НИЧЕГО НЕ БУДЕТ

Несколько слов о счастье

Недавно мне пришла в голову идея начать книгу примерно так:
«Господи, каким чудесным казался мир в детстве! Как много прекрасного он обещал!

И всё сбылось».

После этого можно писать о чём угодно.

Ведь по большому счёту дело не в том, что сбылось, а в том, как ты на это смотришь.

Счастье — эффект зрения. Мечта — точка, в которой сходятся наши желания и наши возможности. Но место этой встречи мы можем обозначить сами: это наше личное право. Можно назначать встречу своих желаний и своих возможностей ежедневно и каждый раз радоваться, что опять всё получилось.

Счастье, в конце концов, плод воображения — в самом лучшем, первичном смысле этого слова. Плод воображения одного человека. Больше для этого никто не нужен.

И вот человек говорит: